ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

«МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ...»

КАЗАЛОСЬ БЫ, в новом телефильме «Пушкин и Пушкин», созданном в литературно-драматической редакции ЦТ (сценарий Н. Эйдельмана, режиссер М. Голдовская) — если не все, то очень многое знакомо тем, кто любит историю отечественной культуры.

Пушкин и Пушкин — имена, со школьной скамьи знаемые и еще с отрочества удивившие слух созвучием: Пушкин — Пушкин, Пушкин — Пушкин, имена, как будто специально кем-то почти срифмованные. Лицей: Пушкин — «Большой Жанно», Пушкин — «Помесь тигра с обезьяной», «Француз», «Егоза». У первого постоянное прозвище, устойчивое, у другого уже в детстве — три. В единственное он и в детстве не умещался... Тот, о ком стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!», родился в доме на Мойке по соседству с печально (и светло!) известным адресом: Мойка, 12. Там закончит свой прижизненный путь тот, который «весь не умрет». И вместе в Лицее — по соседству: номер 14 — Пушкин, номер 13 — Пушкин. Четырнадцать, тринадцать, двенадцать... Сближения и вечность.

Обо всем этом рассказано в телефильме. Казалось бы, все известно, однако все видишь как бы заново, свежими очами. И опять (в который раз!) не отрываясь следишь за невыдуманной историей, обливаешься слезами, на сей раз не «над вымыслом», и поражаешься подлинной историей совпадений и предопределенности двух судеб реально существовавших на свете людей. Великая модель великой дружбы. Фильм (пусть на время) приближает нас к недостижимо высокому, что стоит за словом «дружба», в понимании тех двух. Их дружба непроста, как непросты были их судьбы...

В этом, на мой взгляд, главная заслуга телефильма, который идет всего один час, напоминая неискушенному скорее телепередачу, сделанную весьма строгими и скромными средствами. В кадре почти все время один человек. Фильм-монолог. Рассказчик, он же автор текста, — писатель, историк, пушкинист Н. Эйдельман. Те, кто знаком с последними его книгами «Пушкин и декабристы», «Вьеварум», «Прекрасен наш союз...», «Твой девятнадцатый век», несомненно узнают в Рассказчике автора этих прекрасных книг. А все же и для них Рассказчиком уготовлены новости. Столь подробный анализ черновика пушкинского стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный!» впервые дан в этом фильме. Это обусловлено и течением фильма, и перипетиями в отношениях лицейских побратимов — «чугунников». «Судьба, судьба рукой железной разбила мирный наш лицей...» Черновик был

влотный, густой... Варианты, помарки, исправления. Пушкин не раз переписал это короткое, теперь хрестоматийное признание бесценному другу, где ни убавить, ни прибавить. Почему так быстро сложилось оно у Пушкина, в считанные дни написавшего «Выстрел» и «Скупого»? И об этом — в фильме. История создания короткого стихотворения тяготеет к другой теме, теме сложной: Пушкин и декабристы.

Смотря этот фильм, я не первый раз думал о том, что широкая просветительская миссия доступна ТВ, как никакому из искусств. С. Бонди, В. Шкловский, И. Андроников, Н. Эйдельман — писатели и историки, которые делали и могут сделать еще немало в непростом жанре телевизионного занимательного литературоведения, где занимательность отнюдь не равнозначна облегченности и упрощению.

Но один Рассказчик, кто бы он ни был, еще не создаст целого — телефильм. В нашем случае те, кто делал его, справились со своей работой, может быть, и не совершенно, но хорошо. Все в фильме подчинено главному — монологу историка; несуетна операторская камера (нет этих беспрерывных наездов и отъездов, заполняющих пустоты режиссерского мышления), и не случайно в строгом, черно-белом изображении снята актриса Алла Демидова, читающая стихи Пушкина: чтение — не самоцель, а лишь подпорка, напоминание. Чувство меры не изменяет режиссеру в использовании музыки: виолончель, рояль и лишь один раз камерно звучащий хор — он исполняет лицейский гимн, сочиненный Дельвигом. Гимн звучит за кадром, а на экране места, где столько лет в неволе провел Пушкин, где метет вечная сибирская поземка. Это, на мой взгляд, один из самых эмоциональных моментов фильма. Детские портреты лицейстов «Большого Жанно» и «Француза» будут взростеть на экране, мужать, а к концу фильма постареют до пушкинского портрета работы Линева и пушкинского дагерротипа, на котором прекрасный старик с седыми, обвислыми, как у моржа, усами. Стареют люди... Но удивительно не стареет, догнав наше время, а затем, оставляя нас позади, устремляется в будущее, во Всега, бессмертная дружба тех, чьи имена навсегда зарифмованы: Пушкин — Пушкин, Пушкин — Пушкин...

М. КОЗАКОВ,
заслуженный артист РСФСР